

Пальцы Нань Цзиня дрогнули и замерли. Между указательным и средним он зажал что-то холодное и склизкое — очень тонкое, совсем не похожее на бумагу. Скорее это напоминало... человеческую кожу, покрытую липкой, осклизлой влагой.

Заметив, что юноша застыл, Юй Аньянь поднес горящую зажигалку поближе и негромко спросил:

— Нань Цзин, что случилось?

Нань Цзин скользнул взглядом светлых глаз по лицу режиссера и, сосредоточившись, вытащил находку наружу. В нос мгновенно ударил густой, приторный запах жира и запекшейся крови. Юноша плотно сжал губы и, брезгливо удерживая скользкий клочок пальцами, поднес его к самому огоньку.

— Твою мать! — не сдержавшись, выругался оператор, едва завидев находку. — Это еще что за дрянь?!

Слабое пламя зажигалки выхватило из темноты желтовато-бурый лоскут размером с ладонь. Тонкий, но на удивление прочный, он лоснился от жира — казалось, в поры намертво втерли восковую смазку, отчего кожа и казалась такой влажной и скользкой. От нее исходила тяжелая, удушливая вонь прогорклого сала и гнили, смешанная с запахом сырой крови. От этого тошнотворного амбре выворачивало желудок.

Оператор попятился, но, не смея отходить далеко от Нань Цзиня и Юй Аньяня, уставился на лоскут и дрожащим голосом выдавил:

— Это... че-человеческая кожа?

Ли Ифэй, который до этого тщетно пытался разглядеть находку из-за их спин в надежде разузнать хоть что-то, при этих словах в ужасе замер и вжался в темноту.

Нань Цзин поморщился от невыносимой вони и покачал головой:

— Не знаю. Я как-то видел, как обрабатывают кожу. Похоже на жировое дубление, так делают вощеную кожу. Буроватый оттенок наводит на мысль, что она все-таки звериная.

Эти слова принесли оператору хоть какое-то облегчение.

Нань Цзин осторожно повернул лоскут под разными углами к огоньку. Кожа была густо перепачкана кровью, сквозь которую проступали вырезанные ножом и обведенные черной тушью знаки — судя по всему, дата рождения и имя покойного, лежавшего в этом гробу. На обратной стороне виднелась еще одна надпись.

Юй Аньянь наклонился ближе и тихо прочитал:

— «Коль ритуал начался, его нельзя прерывать...»

Это была часть того самого завета о жертвоприношении, который они мельком видели на алтарном столе!

Их догадка подтвердилась. Нань Цзин опустил жуткий лоскут на сдвинутую крышку белого гроба и, выпрямившись, окинул взглядом плотные ряды деревянных ящиков и оплывающие красные свечи.

— Придется вскрыть остальные гробы, — твердо произнес он. — Нам нужно собрать весь завет целиком.

Ли Ифэй в ужасе уставился на Нань Цзиня, но не успел он и рта раскрыть, как Юй Аньянь и оператор уже принялись за работу. Режиссер прекрасно понимал ценность этих записей.

К оператору тоже вернулись остатки самообладания: если они соберут весь текст, у них появится хоть какой-то шанс выбраться из этой чертовой ловушки. Всяко лучше, чем завтра пойти на корм местным тварям, затерянным между миром живых и мертвых.

Ли Ифэй понимал это не хуже других. Баюкая покалеченную, пронзенную острой болью руку, он со злобой смотрел на работающих мужчин. Ненависть к Нань Цзиню и Юй Аньяню клокотала в его груди.

«Пусть найдут этот чертов завет, — ядом исходило его сознание. — А как только мы узнаем путь к спасению, пусть их обоих растерзает здешняя нечисть!»

Дело шло быстро. К тому времени как стоявшая на алтаре красная свеча догорела на треть, все гробы в комнате были вскрыты. Нетронутыми остались лишь четыре гроба перед алтарем, покрытые глухим черным лаком.

На протяжении всей работы Ли Ифэй только и делал, что вздрагивал от каждого шороха, в то время как Нань Цзин и Юй Аньянь действовали слаженно и стремительно. Они понимали: промедление смерти подобно, любая лишняя минута в этом склепе могла обернуться бедой.

Лоскуты оказались далеко не в каждом гробу. С учетом первой находки им удалось собрать девятнадцать фрагментов. Сопоставляя рваные края и обрывки фраз, они кое-как воссоздали текст завета.

Нань Цзин взял из рук Юй Аньяня зажигалку и, высекая пламя, принялся читать уцелевшие строки:

— «Внемлите: сей ритуал исполнит помыслы тех, кто несет гроб. Однако по свершении желаемого божество, принявшее подношение, взыщет соразмерную плату. Коль ритуал начался, его нельзя прерывать...»

Юноша перевел дыхание и продолжил чтение:

— «Для свершения таинства избранную божеством жертву следует облачить в подвенечный наряд. В назначенный благословенный час жертву надлежит особым образом затворить в гробу из чистого черного лака. После чего трое живых должны составить число несущих...»

Здесь текст обрывался, пропуская целый кусок. Нахмурившись, Нань Цзин скользнул взглядом ниже, выхватывая уцелевшую фразу:

— «...поместив жертву в черный гроб, вбейте в крышку семь гвоздей. С этого мига начнется ритуал. Трое живых должны вознести гроб с подношением по Небесной лестнице...»

Дальше кожа была обуглена и разорвана. Нань Цзин оглядел развороченный склеп — все ящики, от мала до велика, были перевернуты вверх дном. Других фрагментов здесь точно не было, а значит, половина тайны так и осталась скрыта во тьме.

Услышав о том, что жертву в подвенечном платье нужно запереть в черном лакированном гробу, оператор украдкой скосил глаза на Нань Цзиня. Юноша стоял прямо перед ним в алом шелке свадебного наряда. Если завет обещает исполнение любого желания за подношение божеству... не значит ли это, что, принеся Нань Цзиня в жертву, они смогут вымолить у неведомых сил свободу и выбраться из деревни?

Стоявший чуть поодаль Ли Ифэй тоже вскинул голову, буравя Нань Цзиня тяжелым, лихорадочным взглядом. Его глаза встретились с глазами оператора. В обезумевших зрачках обоих читалась одна и та же трусливая, людоедская мысль: если жизнь одного человека — цена их собственного спасения, то почему бы ее не заплатить?

Четыре черных лакированных гроба высились у алтарного стола, словно молчаливые стражи. Ранее Нань Цзин упоминал, что по традиции в такие гробы укладывают лишь тех, кто принял страшную, насильственную смерть — это сулило великое несчастье. Именно поэтому, переворачивая комнату в поисках фрагментов кожи, они не решились прикоснуться к этим четверем зловещим ящикам.

Но что, если именно в один из них и надлежало уложить жертву?

Ли Ифэя больше не волновали приметы. Его глаза, налитые кровью, безумно выпучились. Он хрипло, с вкрадчивой угрозой просипел:

— Слыхали, а? В этой писанине сказано: стоит нам поднять гроб на гребаную Небесную

лестницу, и мы спасены. Любое желание исполнится!

Нань Цзин нахмурился. Кошмар, в который погрузилась деревня Одинокого Дракона, явно брал начало в этом кровавом культе. И куда больше призрачного обещания свободы его тревожила та самая «соразмерная плата», которую потребует божество.

Юй Аньянь задумчиво прижал согнутый указательный палец к подбородку и глухо произнес:

— Этот ритуал — чистой воды ловушка...

Договорить он не успел. Лицо Ли Ифэя исказилось животной гримасой. Сорвавшись с места, он в несколько прыжков преодолел разделявшее их расстояние и набросился на Нань Цзиня. В его здоровой руке тускло блеснула старая железная лопатка для золы, которую он, по-видимому, подобрал возле одного из гробов. Наставив острое лезвие юноше в горло, он истошно завопил:

— Живо лезь в черный гроб, Нань Цзин! Тебя все равно выбрали жертвой, так что не дергайся! Лезь, не то я сам тебя прирежу, сука!

Юй Аньянь мгновенно перехватил тяжелые ножницы, направив их острие в грудь безумцу. Холодная ярость, полыхнувшая в глазах режиссера, заставила Ли Ифэя на миг отпрянуть, но страх быстро сменился новой вспышкой безумия.

— Не лезь, тварь! — завизжал актер, брызжа слюной. — Нань Цзиня изначально готовили для алтаря! Ему просто не повезло! И если он должен сдохнуть, чтобы я выжил, так тому и быть!

Оператор, видя это, лишь понурил голову и отвел взгляд. Он пробормотал едва слышно, но поспешно, будто боясь передумать:

— Режиссёр Юй... не держите зла. У меня дома невеста, свадьба скоро. Давайте отдадим Нань Цзиня. Мы просто отнесем гроб наверх, загадаем желание и уберемся отсюда к чертовой матери. Это же так просто...

Юй Аньянь презрительно усмехнулся. В его темных глазах, обычно сонных и безучастных, впервые проступила неприкрытая, хищная кровожадность.

«Зачем тащить за собой этих шкурников, если можно прямо здесь от них избавиться?»

Режиссер перевел взгляд на Нань Цзиня. Юноша ответил ему спокойным, сосредоточенным взглядом светлых глаз. Его тонкая ладонь, скрытая под широким алым рукавом свадебного одеяния, едва заметно качнулась вверх, подавая знак.

Юй Аньянь едва уловимо прищурился.

В то же мгновение Нань Цзин резко вскинул правую руку, мертвой хваткой вцепился в запястье Ли Ифэй и с силой выкрутил его вниз. Раздался сухой, отчетливый хруст ломающейся кости. Взревав от боли, актер попятился, но уйти ему не дали. Юй Аньянь, уже взлетевший на крышку ближайшего красного гроба, ястребом бросился сверху. Он мертвой хваткой вцепился в плечи Ли Ифэй, заламывая их назад.

Тяжелые стальные ножницы с глухим звуком вошли глубоко в спину предателя.

— А-а-а! — зашелся в диком крике Ли Ифэй, рухнув на земляной пол. Из раны на спине толчками хлынула темная кровь.

Оператор, собиравшийся было помочь скрутить Нань Цзиня, мгновенно растерял весь свой воинственный пыл. Объятый ужасом, он попятился назад, выставив перед собой трясущиеся руки. Пятясь без оглядки, он со всей силы налетел спиной на один из четырех черных лакированных гробов у алтаря. Тяжелая крышка, которая должна была весить не один пуд, от легкого толчка со скрежетом соскользнула вбок.

Раздался глухой, раскатистый удар.

Крышка рухнула на пол, подняв облако вековой пыли. Приколотый к лакированному дереву траурный белый цветок из бумаги вздрогнул и сиротливо отлетел в сторону.

В ту же секунду из разверзшегося зева гроба хлынула густая, удушливая волна разложения. Вонь застарелого гниения, смешанная с могильной сыростью и запахом склизкого, разложившегося мяса, мертвой хваткой вцепилась в горло. Воздух в комнате мгновенно стал тяжелым, как свинец.

Нань Цзин и Юй Аньянь синхронно обернулись, вперив взгляды в побелевшего от страха оператора и распахнутый зев черного гроба.

Нань Цзин чиркнул зажигалкой, пытаясь рассмотреть, что таится внутри. Но едва крохотный язычок пламени разогнал тьму, как из глубины ящика вырвался ледяной сквозняк. Леденящий душу вихрь, промозглый, словно крещенские морозы, ударил юноше в поясницу и стремительно взбежал вверх по позвоночнику, взрываясь холодом под черепной коробкой. Нань Цзин невольно содрогнулся всем телом.

Жуткий, замогильный холод. Что за тварь была заперта в этом черном ящике?!

Катающийся в луже собственной крови Ли Ифэй тоже почуял эту вонь. Увидев приоткрытый гроб, он в ужасе вылупил глаза и, забыв о боли в спине и сломанной руке, червем пополз прочь, стремясь оказаться как можно дальше от алтаря.

Клик-клик...

Колесико зажигалки бесполезно прокручивалось в пальцах Нань Цзиня — искра гасла, не успев разгореться. Отступая на ощупь, юноша не сводил взгляда с темного силуэта черного гроба. Вдруг лакированный короб дрогнул. Сначала едва заметно, со слабым шорохом, но с каждым мигом вибрация становилась все яростнее, сотрясая деревянные стенки.

Из черного провала медленно показалась рука. Ее пальцы — неестественно длинные, обтянутые серой иссохшей кожей — со страшным скрипом согнулись, впиваясь суставчатыми когтями в лакированный борт. Тварь налегала всем весом, силясь подтянуться и выбраться наружу.

Затаив дыхание, Нань Цзинь медленно пятился во тьме. Вдруг его нога уперлась во что-то твердое. По спине прокатилась новая волна леденящего ужаса, заставив волосы на затылке встать дыбом.

Медленно выдохнув, он скосил взгляд. Гроб прямо по левую руку от него — один из тех обычных деревенских ящиков, чьи крышки они только что сдвинули в поисках завета — начал мелко вибрировать.

На мгновение лицо Нань Цзиня окаменело. Осознав масштаб катастрофы, он истошно крикнул:

— Юй Аньянь! Прочь от гробов!

В ту же секунду юноша резко прогнулся назад, едва успев уклониться от вцепившейся в воздух костлявой, полуразложившейся руки. Из растревоженных ящиков поднимались мертвецы. Темная сила, вырвавшаяся на волю из черного гроба, пробудила к жизни каждого усопшего в этом проклятом склепе.

<http://bllate.org/book/19041/1934107>